

DOI: 10.12731/2218-7405-2013-3-11

УДК 303.832.33

ОБРАЗ БУДУЩЕГО В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Ф. ПОЛАКА

Желтикова И.В.

Статья посвящена анализу философского концепта «образ будущего». Автор статьи определяет это понятие как относительно целостную картину будущего, которая, вырабатываясь в определенное время в определенном социуме, является одним из элементов социальной реальности, автор рассматривает значение и функционирование этого понятия в современном научном и публицистическом дискурсе. Особое внимание уделяется трактовке образа будущего Ф. Полаком. Статья знакомит русскоязычного читателя с концепцией Полака, изложенной в его работе «Образ будущего» и непереведенной на русский язык. Изучение роли образа будущего в обществе имеет не только чисто академическое, но и практическое значение, поскольку современная культура сталкивается с трудной задачей создания позитивного образа будущего и отыскания путей для его реализации. Фред Полак был первым, кто попытался определить роль образа будущего в сложных социальных процессах.

Ключевые слова: образ будущего; Фред Полак, будущее; представления о будущем; социальные ожидания; социальная теория; социальное прогнозирование.

F. POLAK'S CONCEPT "THE IMAGE OF THE FUTURE"

Zheltikova I.V.

The article is devoted to the analysis of the philosophic concept of the image of the future. The author defines this concept as some general idea of social expectations, existing at definite culture in definite time; he views its significance in the modern Russian science and social and political journalism. The author his particular attention focuses on Polak's ideas about the image of the future. The article, introduces the Russian reader to with Polak's conceptions which are set out in his work 'The image of the future', the book having been not yet translated into Russian. A study of the role of the image of the future in society is not only of purely academic interests, but it is also of great practical significance since modern culture faces a hard task of forging a positive and constructive vision of Tomorrow so as to realize this vision. Fred Polak was the first to undertake the difficult conceptual endeavour of clarify the role of the image of the future in the social process at the societal level.

Keywords: the image of the future; Fred Polak; the future; vision of the future; social expectations; the social sciences; social forecasting.

В последние годы в исторических, культурологических, филологических и философских исследованиях объект изучения нередко обозначается как «образ» чего-то: образ прошлого, образ мира, образ общества, образ ребенка, образ смерти. Определяя предмет своего изучения как «образ» чего-то, исследователь тем самым подчеркивает, что его интересует не сам обозначаемый феномен, а то, каким он видится определенной социальной или возрастной группе, в конкретной социокультурной среде или каким он изображается в тех или иных видах источников. В этой статье мы рассмотрим

появление в социально-философском дискурсе словосочетания «образ будущего», его возможные значения и особенности употребления.

В современной отечественной публицистике так же, как и в гуманитарных исследованиях, выражение «образ будущего» используется в качестве устойчивого словосочетания. В политическом дискурсе оно применяется для обозначения проекта дальнейшего развития страны, как это видно из названий политических и гражданских объединений, например, Общественное движение «Образ Будущего», Фонд поддержки инициатив молодежи «Образ будущего», проекты ИНСОРа – «Россия XXI века: образ желаемого завтра», «Программа для Медведева 2012 – Образ будущего», имиджмейкерская компания «Образ будущего» и др. Охотно пользуются этим словосочетанием различного рода аналитики и футурологи – М.Л.Хазин [10], И. Бощенко [1], С.Г. Кара-Мурза [6], Е.Н. Князева, которые подразумевают под образом будущего перспективную модель развития, альтернативную современному состоянию общества, или проект, требующий реализации. В этом же значении выражение активно используется электронными СМИ.

В исторических и культурологических исследованиях словосочетание «образ будущего» употребляется для указания на представления о будущем у членов определенных социальных групп, как, например, в антологии «Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века» [8]. В несколько ином значении присутствует оно в психологических и педагогических работах, рассматриваясь с позиции индивидуального проектирования в качестве цели самореализации [2; 11] или педагогического воздействия [9].

Мы находим, что в создавшейся ситуации словосочетание «образ будущего» употребляется скорее интуитивно, чем рационально. В своих работах я стараюсь перейти к более строгому использованию этого термина, определяя «образ будущего» как относительно целостную картину будущего, которая вырабатывается в определенное время в определенном социуме и

является одним из элементов социальной реальности [3; 4; 5]. Однако и это использование словосочетания «образ будущего» начиналось интуитивно. Дефиниция понятия и анализ обозначаемого им феномена шли уже вслед за фиксированием с помощью термина «образ будущего» ощущения присутствия в конкретной культуре некоего представления о будущем, представления, объединяющего осознание настоящего момента и ожидание перемен. Полагаю, что в гуманитарных исследованиях пришло время перейти от произвольного использования словосочетания «образ будущего» к его категориальному закреплению, для чего требуется определить значение термина «образ будущего» как самостоятельной категории социогуманитарных исследований и выявить его онтологический статус.

Одним из первых, кто начал серьезно работать с понятием близким к «образу будущего», был датский социолог Фред Полак (Fred Polak). В фундаментальном труде «Будущее истории» (*De toekomst is verleden tijd*) [15] он пытался показать, как из резонанса от столкновения прошлого и будущего в социальном настоящем рождается предвосхищение будущего. В английском переводе, принесшем известность книге Полака [14], это ключевое понятие переводится как «образ будущего» (*the image of the future*). Поскольку русскоязычному читателю книга практически не известна, (исключение составляет перевод отрывка 22 главы «Искусство и культура», вошедший в антологию «Мир нашего завтра») [7], в данной статье мы хотим познакомить его с концептом «образ будущего» в интерпретации Полака. Надеемся, что обращение к его идеям будет способствовать рефлексии феномена образа будущего и категориальному закреплению этого понятия.

Поводом, подтолкнувшим Полака к выделению образа будущего в качестве инструмента междисциплинарных исследований, стало стремление отрефлексировать ощущение нездоровья западной культуры, желание понять причины внезапной остановки ее движения, когда *«жизнь как бы есть, но превращается в существование к смерти»* [14, p.19]. (Здесь и далее перевод

мой). Полак считает, что он и его современники становятся свидетелями «буквального нарушения во времени», заключающегося в разрыве традиционного восприятия последовательности прошлого-настоящего-будущего. На смену переживания времени как движущегося из известного прошлого в неизвестное будущее приходит замирание в вечном настоящем, которое западный человек готов бесконечно переносить вперед, от «современности к ультрасовременности, и далее, к тому, что рано или поздно окажется концом времени и культуры» [14, p.8]. Размышляя над этим ощущением, Полак находит причину его возникновения в том, что европейская культура утрачивает интерес к будущему, стремление к иному состоянию. То, что его современников перестает интересовать неожиданность и неизвестность будущего, тревожит Полака.

Понятие «образ будущего» требуется автору, для того чтобы описать причину болезни, постигшей Запад. *«Нигилистический образ будущего парализует нас, – пишет он, – и мы оказываемся неспособны сформировать более позитивный и конструктивный образ. Западный человек не должен переставать думать и мечтать о новом завтра, потому что у него нет выбора – или мечтать, или умереть»* [14, p.21]. Образ будущего – это тот культурный элемент, которого не хватает Западной культуре сегодня, тот элемент настоящего, который поддерживает тонус культурной жизни. *«Это основной тезис этой работы, – пишет Полак, – то, что в первый раз за последние три тысячи лет существования западной цивилизации произошли массовые потери способности, или даже воли, для обновления образов будущего. Сегодня есть несколько признаков конструктивных образов, и нет общепринятого идеального образа грядущего»* [14, p. 14].

Цель своей книги Полак видит в том, чтобы, поняв принципы функционирования образов будущего, найти выход из создавшегося положения. Он отмечает: *«Изложенные в социологических терминах проблемы таковы: какова связь между фундаментальными изменениями в социальной*

структуре и изменениями в ведущих образах будущего? Есть ли взаимодействие между образами будущего и самим будущим? И более конкретно – каковы последствия распадающегося образа будущего западной культуры для будущего этой культуры?» [14, р.23].

К сожалению, Полак не дает прямого определения образа будущего, но подчеркивает, что существенной его чертой является сама образность, доступность непосредственному восприятию. Образ как таковой, а не только образ будущего, является, по Полаку, значимым аспектом человеческого восприятия мира, тем аспектом, который позволяет нам выстраивать отношения с природой и социальной действительностью. Он подчеркивает: *«Образы присутствуют везде: индивидуально и коллективно, приватно и публично, по отношению к себе и другим, в наших собственных группах и по отношению к чужим группам. У нас есть образы нашей нации, расы, профессии, партии, системы веры, а также образы иных рас, профессий, партий и идеологий. Образы формируют и изменяют производителей и потребителей, капиталистов и коммунистов, художников, богему и ученых, предпринимателей и рабочих; представление о правильном и неправильном поведении, хороших и плохих парнях, хипстерах и мещанах, мужских организациях и убежденных индивидуалистах, образы влияют на отношения мужей, жен и детей, а также отцов и детей» [14, р.12].* Несмотря на то, что Полак в своей книге уклоняется от непосредственной разработки теории образа, Кеннет Боулдинг, например, считал, что его идеи по этому поводу были весьма оригинальны и глубоки и повлияли на собственную Боулдинга теорию образа [13].

Начальной точкой любого образа, и образа будущего в том числе, выступает образ-восприятие (image-recaption). Образ-восприятие – это след, который остается от столкновения наших фантазий и восприятия реальности. Двойственность образа, укорененность его в реальности и воображении позволяет ему быть формой, которая одновременно отображает и объясняет

действительность. Но для Полака гораздо важнее то, что образ наиболее адекватно отражает дуальную природу человека. *«Человек видит невидимое и слышит неслышимое, – пишет Полак, – и в то же время свет и звук физического мира достигает его слуха и зрения. Эта акустическо-визуальная синхронизация может быть достигнута только с помощью воображения. Образ сначала должен быть принят, в него нужно поверить, прежде чем его можно будет передать. Образ-восприятие относится к целому ряду явлений, подобных снам, видениям и другим формам воображаемой встречи с Иным»* [14, р.2]. Образ будущего соотносится Полаком с образами искусства, мистическими откровениями, образами прошлого. *«Те образы, которые мы обсудим, – это публичные образы, разделяемые всеми, это такие образы как образ Космоса, Бога, человека, социальных институтов, истории и других подобных областей. Опять же, во всех этих изображениях есть временное измерение будущего, что дает им особую силу»* [14, р.14].

Образ будущего репрезентирует не просто фантазию, а фантазию обращенную к будущему мыслимому как Иное, как мир, принципиально отличный от наличной реальности. По отношению к прочим образам, образ будущего выполняет функцию пра-образа, выступает той силой, которая определяет их динамику. *«Именно образ будущего есть вид динамического фактора и чрезвычайно мощной силы, что позволяет ему содержать в себе функционирование всех прочих образов»*, [14, р.11] – считает Полак. Образ будущего иницируется фантазией, направленной на преодоление Неизвестного. *«Этот образ всегда работает как обратная проекция – из будущего в настоящее, – пишет Полак. – Даже если он есть или кажется смутным воспоминанием из далекого прошлого, он действует, как предзнаменование далекого будущего»* [14, р. 6-7].

Восприятие образа будущего лишь в незначительной степени рационально, главными же в этом процессе являются эмоциональная и этическая сферы. *«Распространение образов – это сила, которая управляет*

образом будущего лишь частично с помощью разума и интеллекта, в значительно большей степени она эмоциональна, эстетична и духовна. Привлекательность образа заключается в картине радикально другого мира, Иного времени. Психологи будут называть это по-разному: эскапизмом, механизмами компенсации или проекциями. Это прежде всего духовный характер идеалов, воплощенных в образе будущего, который наполняет изображение власть» [14, р.13-14].

В своей книге Полак различает образ будущего и само будущее. Будущее для него – это в первую очередь то Иное, которое одновременно страшит и притягивает человека. Эта область интересует человека теми возможными изменениями, которые могут сказаться на его жизни как положительно, так и отрицательно. *«В поисках будущего человек пересекает границу неизвестного и превращается из человека действующего в человека, рассчитывающего последствия своих действий, – пишет Полак. – Человек переносит фрагменты неизвестного в известное, но уменьшает ли это само неизвестное?.. Ни одного человека, даже самоубийцу, завтра не может оставить в покое. В своем нетерпении самоубийца тоже спешит в завтра... В процессе изучения своего собственного будущего человека всегда преследует чувство, что он делает нечто запретное» [14, р.4].* Человек стремится в мир Иного, так как этот, наш мир, его не удовлетворяет. Мысли о несовершенстве этой жизни, надежды на более совершенный мир после смерти или для будущих поколений, воля к изменению общества указывают, по Полаку, на то, что наличная действительность не устраивает человека. Один из путей выхода из этой неустроенности ведет к бунту *«из отчаяния, но без надежды»*, другой к желанию знать и контролировать будущее.

Полак убежден, что стремление знать будущее – универсальное стремление человека, свойственное всем без исключения людям. Разница между культурами и эпохами заключается в методах предугадывания будущего. Человек хочет знать будущее из страха смерти, чувства

самосохранения, продолжения рода. *«В основном, однако, именно будущее привлекает мечты человека, надежды и страхи, будущее, а не прошлое рассматривается как ключик к загадке своего существования. Смерть как единственная определенность побуждает человека к познанию будущего. Неизвестность и невежество – это не тот девиз, который может выбрать для себя человек»* [14, р.4].

Человек преодолевает завесу неизвестного благодаря своей способности к фантазированию *«Его умственные способности к классификации и упорядочиванию реальности внутри себя (реальности настоящего времени) и вне себя (Иное) позволяют ему быть гражданином двух миров: настоящего и воображаемого»* [14, р.1]. Это двойное гражданство, по Полаку, служит источником формирования образов будущего. Если будущее – это Иное, то образ будущего – это попытка заглянуть за границы Иного, создать карту, которая позволила бы подготовиться к неожиданностям будущего и ориентироваться в мире, которого еще нет. *«Будущее рождается из этой антитезы. Человеческий дуализм, таким образом, является необходимой предпосылкой для движения событий во времени и для динамики исторических перемен»* [14, р.1].

Полак находит, что определенную роль в формировании образов будущего играют формальные категории пространства и времени. Они позволяют человеку, с одной стороны, осознать дистанцию между «сегодня» и «завтра», с другой, – соотнести «завтра» с областью наших желаний. *«Как только человек понимает, что «здесь» может быть вчера или завтра, он обнаруживает две формальные кантовские категории времени и пространства, – пишет Полак. – Эти категории стали теми инструментами, с помощью которых он сформировал свои образы будущего, как образы иного времени и пространства. По мере того, как человеческая искушенность увеличивалась, он становился в состоянии представить себе эти другие измерения как новые категории, новые регулятивные идеи»* [14, р.3]. Образ

будущего порождает не только желание заглянуть в завтрашний день, соотнести его ландшафт с топонимикой нашего воображаемого мира, но и вполне рациональное стремление контролировать будущее.

Как уже отмечалось выше, образы будущего, о которых говорит Полак, – это в первую очередь коллективные образы, задающие вектор развития целой культуры. Однако их возникновение носит авторский, а не коллективный характер. Главенствующую роль в их создании играют творчески одаренные люди, специализация которых в каждый временной период и в каждой культуре различна. Это могут быть преимущественно мистики, или пророки, или религиозные деятели, это могут быть философы, или ученые, или одаренные публицисты, это бывают люди чистого искусства: поэты, писатели, художники. *«Образы будущего аристократического происхождения, их авторы принадлежат к творческому меньшинству. Они создаются такими людьми, как Исаия, Сократ, Рембрандт, французские философы, Бергсон, Уэллс»* [14, p.13], – пишет Полак.

Формирование образов будущего напрямую связано с существующей в обществе системой ценностей и теми нравственными ориентирами, которые постулируются в качестве предельно высоких идеалов. Полак считает, что образ будущего по своей природе ближе всего к социальному идеалу, репрезентирующему настолько совершенный мир, насколько его можно себе представить в наличной социокультурной ситуации. *«Осознание идеальных ценностей является первым шагом в сознательном создании образов будущего и, следовательно, в сознательном создании культуры, ибо ценность есть по определению то, что направляет к желаемому будущему. <...> По мере развития общества и его морали формируется стабильный набор ожиданий, связанных с будущим. Это просматривается, с одной стороны, в магии и религии, с другой, – в науке. Эти два направления ожиданий сливаются и кристаллизуются в систематических прогнозах и образах будущего»* [14, p.10]. Полак убежден, что основными историческими силами являются идеи,

идеалы, ценности и нормы, утвердившиеся в широких социальных слоях. *«Развитие этики и моральной философии является одним из аспектов развития методов визуализации и контроля будущего, образ будущего получает большую часть своей движущей силы от этики»* [14, p.13].

Полак различает четыре наиболее распространенных типа образов будущего: религиозные, этические, философские, социально-политические. *«Образы как продукты работы воображения весьма разнообразны: философские и исторические образы, изобилуют готовыми смыслами; типичным примером этических изображений являются харизматические фигуры Сократа и Иисуса; социально-политические образы – это «Государство» Платона или «Идеальный Город» (Model City) аль-Фараби; религиозные образы дают форму и содержание мессианских ожиданий»* [14, p.6].

Одна из основных целей Полака заключается в том, чтобы проследить общую тенденцию в исторической смене доминирующих образов будущего. На примере европейской культуры он стремится увидеть, как культурообразующие образы будущего рождаются, теряют свою убедительность и замещаются новыми жизнеспособными образами. Автор выделяет три фактора, оказывающих решающее влияние на то, как именно будут выглядеть эти доминантные образы, а именно: степень осознания человеком своей свободы и ответственности за будущее, изменение представлений о времени и вечности и оценка человеком возможности или невозможности изменений.

Начало процесса осознания человеком своей свободы Полак видит уже в Древней Греции, когда на смену покорности воле богов приходит образ бунтующего человека. Завершается этот процесс утверждением чувства собственного достоинства и принятием человеком ответственности за свою свободу, осуществляемым в эпоху Ренессанса. *«В течение этого периода росло признание влияния человека на свою судьбу, что заполняло пропасть между*

человеком и его будущим и давало более полное представление о достоинстве и ценности человека и его образов будущего») [14, p.7].

Основные изменения в представлениях о времени и вечности происходят, по мнению Полака, с начала эпохи Нового времени, когда на смену дихотомии прерывного времени на фоне неизменной Вечности приходит утверждение всеобщей дискретности, а затем и делящегося «здесь-и-сейчас». *«Образы будущего, созданные человеком, тесно связаны с понятиями времени, у него имеющимся. Так же, как представление человеком себя как свободного субъекта повлияло на его образ, его видение времени имело такое же влияние на этот образ. Все образы будущего, которые выводят человека за его пределы, так же содержат концепцию времени, которое наличествует за пределами существующего времени» [14, p.7].*

Оценка конкретным обществом возможности или невозможности изменений, по Полаку, является еще одним моментом, определяющим, какой именно образ будет в нем функционировать как доминирующий. *«Кроме оппозиции здесь-и-сейчас и Иного, в человеческом уме есть еще одна оппозиция возможности-невозможности, отличная от божественного всемогущества. Человек может представить Иной мир, но он не может реализовать его. Вся история мысли несет этот конфликт между мечтой и невозможностью реализовать ее» [14, p.16].* Оценка желаемой перспективы как более или менее вероятной, маловероятной или невозможной влияет на то, закрепится ли данное видение в качестве образа будущего или нет.

Отдельно Полак останавливается на рассмотрении проблемы позитивного или негативного взгляда на жизнь, свойственного конкретному обществу. Такой психологический настрой Полак обозначает как оптимизм или пессимизм. Он пишет: *«Наблюдатели, склонные к психологии, сталкиваются с загадкой обществ, которые кажутся либо в основном оптимистичными либо в основном пессимистичными, взирая на мир либо через розовые очки, либо через закопченное стекло» [14, p.16].* И оптимизм, и пессимизм, по Полаку, могут

иметь отношение как к настоящему состоянию общества, так и к его будущему, поэтому он различает два вида каждого из этих настроев.

Первый вид, который могут приобретать социальные оптимизм и пессимизм, Полак обозначает добавлением к ним слова «сущность» (essence). Получившиеся термины он использует, для того чтобы обозначить настрой по отношению к неизменному ходу событий. Так, оценка социальной действительности может быть оптимистической (essence-optimism) или пессимистической (essence-pessimism), то есть настоящее данного общества может восприниматься его членами позитивно или негативно. Второй вид этих психологических настроев Полак обозначает добавлением другой приставки – «влияние» (influence), которая характеризует отношение к предполагаемым, возможным или отклоненным возможностям вмешательства человека в социальную действительность. Соответственно, по Полаку, в обществе может господствовать (influence-optimism) или (influence-pessimism) в зависимости от того, внушает ли надежду или опасение будущее этого общества.

Приведем далее довольно обширную цитату, из которой видно, какую связь устанавливает Полак между четырьмя видами психологического настроения общества и господствующими в нем образами будущего: *«Наблюдается ясное соответствие между оптимистической оценкой настоящего (essence-optimism) и сопровождающим его образом будущего, – считает Полак. – Человек не играет почти никакой роли в образе вселенной, которая работает по принципу божественной гармонии. Он является пришельцем в неуклонно прогрессирующем мире. Различные школы по-разному определяли механизмы этой эволюции: физиократы видели его в сельском хозяйстве, либералы – в собственных интересах человека, Маркс – в пролетариате. Общим для всех этих систем является сочетание детерминизма и произвольности действий. Человеческие усилия, как правило, устранялись за ненадобностью. Здесь мы наблюдаем сочетание оптимизма по отношению к настоящему общества (essence-optimism) и пессимизма по отношению к возможности его изменения*

(influence-pessimism), что в конечном счете положительно влияет на образ будущего.

Самый негативный образ будущего вырастает из сочетания пессимизма по отношению к настоящему положению общества (essence-optimism) и пессимизма по отношению к возможности влияния на это положение (influence-pessimism). При этом взгляде на жизнь хаос полностью переопределяет космос, человеку же ничего не остается, кроме как смириться с неизбежным. Примером этой точки зрения служат концепции первородного греха, вечногo возвращения, гибели человеческой культуры. Человеку остается либо покориться судьбе, либо совершить самоубийство. Маятник истории постоянно раскачивается между этими двумя полюсами. Однако существует промежуточная область человеческой мысли, область отдохновения. Здесь мы видим несколько возможных моделей, сочетающих пессимистическое восприятие сущности общества и оптимистическую оценку возможности изменения (configurations of essence-pessimism and influence-optimism). Конечно, наличная реальность ужасна, но можно себе вообразить гораздо лучшее будущее, и человек способен работать для этого будущего. Понимание природы этой работы и порядка ее приближения может заключаться в пассивном подчинении высшей силе, а может выражаться в активном проявлении человеческой воли.

Мы можем различить два основные типа оптимизма по отношению к возможности изменения (influence-optimism) в этих моделях и два соответствующих им типа образа будущего. В одном роль человека косвенная, акцент приходится на сверхъестественную силу и подчинение ей человека. В другом – роль человека главная, акцент приходится на природные явления и человеческие усилия» [14, p.17-18]. Как мы видим, наиболее сильные образы будущего, по Полаку, возникают в умеренно неблагоприятном настоящем, когда наличная действительность не оставляет возможности ее идеализировать, но в то же время дает надежду на будущее улучшение. Крайние же оценки

текущего состояния – как оптимистичные, так и безнадежно пессимистичные – чреватые негативным, то есть слабым, неубедительным образом будущего.

Полак неоднократно подчеркивает в своей книге то, что его интерес к образам будущего лежит не в области теоретической разработки этой проблемы, а в области рассмотрения конкретных образов, их динамики, факторов, которые оказывают влияние на их возникновение и функционирование. *«Наиболее интересной проблемой является не столько то, какие виды приобретает освоение будущего, сколько вопрос об иерархии целей на будущее и вопрос о том, почему одни средства подходят в один исторический период, а другие в другой»* [14, p.18]. Но и движение образов привлекает Полака не само по себе, главная его забота – понять причины, приведшие современную ему европейскую цивилизацию к кризису будущего. Поэтому автор подчеркивает, что *«из огромного массива образов будущего, бытующих в истории, мы будем иметь дело только с теми, которые просыпались сквозь сито истории в копилку Западной цивилизации. Нас будут особо интересовать те идеи, которые были получены из более ранних периодов и оказали влияние на современные верования и убеждения... В целом, мы будем рассматривать те образы, которые лучше всего освещают проблему будущего нашей цивилизации»* [14, p.21].

Книга Полака увидела свет на голландском языке. За двухтомный труд «Будущее истории» (*De toekomst is verleden tijd*) автор был удостоен Премии Совета Европы и получил годичную стажировку в Центре перспективных исследований в области поведенческих наук в Стэнфорде. Усилиями его друзей и коллег по Стенфорду книга была переведена на английский язык. В предисловии к первому англоязычному изданию 1973 года профессор Эдинбургского университета Кеннет Боулдинг писал: *«Долгое время я чувствовал, что оригинальная версия «Образа будущего» была одним из самых значительных произведений XX века и что она никогда не получала того внимания, которое заслуживала, возможно, из-за ее большого объема»* [14, p.

V-VI]. Переводчик книги Элиз Боулдинг разделяет мнение супруга и объясняет сокращение книги при переводе тем, что такой «облегченный» вариант текста позволит ему быть прочитанным и воспринятым гораздо большим количеством читателей. *«Я перевела книгу в полном объеме, – пишет Элиз Боулдинг в предисловии, – так как было слишком трудно переводить текст с языка, который я только изучала, и одновременно сокращать его, но уже тогда я знала, что неторопливый интеллектуальный темп оригинала не нашел бы широкую читательскую аудиторию в вечно спешащей Америке. Поэтому с самого начала я была нацелена на сокращение, которое бы передавало идеи Полака относительно будущего в более доступной для американских коллег форме»* [14, р. VII].

Возможно, супруги Боулдинги, близко знавшие Полака, были правы относительно целесообразности сокращения первоначального текста примерно в половину. В пользу этого говорит хотя бы то, что позже сокращенный вариант вышел и на родном языке Полака. Боулдинги были наверняка правы в значимости англоязычного «Образа будущего» для расширения возможности знакомства с идеями Полака. Но они, к сожалению, ошиблись относительно популярности книги, которая так и не получила широкого резонанса. И еще один момент хотелось бы оговорить относительно англоязычного издания книги. Боулдинги были склонны рассматривать идеи Полака в рамках футурологического проекта, размышления об образе будущего однозначно соотносились ими с контекстом исследования будущего. *«Полак, – вспоминает Кеннет Боулдинг, – действительно, был пионером того, что стало называться «футурологией», это уродливое слово, однако оно обозначает важное направление человеческой мысли. Так и хочется сказать, что все мы действительно футурологи, и в этом отношении влияние мыслей Фреда Полака гораздо больше, чем обычно признается»* [14, р.V]. Однако, как нам представляется, сам Полак видел свою задачу несколько иначе. Центральный вопрос его книги – как возникают и почему гибнут образы будущего. Этот

аспект работы, наиболее интересный и до сих пор сохранивший актуальность, как правило, оставался без должного внимания.

Отношение образов будущего и самого будущего, по мысли Полака, не носит однозначно линейного характера. Автор различает три аспекта этого взаимодействия. Во-первых, образ будущего, его характер и содержание зависят от самого будущего. Не только социальное настоящее, господствующая в нем система ценностей и моральных норм находят отражение в образе будущего, картины, репрезентируемые образом, возникают под действием «вызовов будущего». «Вызов времени» мыслится по аналогии с вызовом среды в теории вызова-и-ответа Тойнби. Полак, как и его и его английский коллега, считает, что жизнеспособность общества определяется его способностью адекватно реагировать на потенциальные угрозы, в том числе и созданием убедительных образов будущего. *«Вызов времени может быть основан и на будущем, которое может бросить нам вызов, для того чтобы мы могли изучить и подготовиться заранее к тем проблемам, которые у будущего припасены для нас, – пишет Полак. – Некоторые возможности из бесконечного потенциала будущего проливают свет на настоящее, этим может быть освещен или затемнен оптимизм или пессимизм по отношению к возможности изменения»* [14, р.20]. При этом Полак подчеркивает субъективный характер видения будущего, его зависимость от настроения и мировоззрения того, кто его видит. Вот в этом значении субъективного предчувствия будущего и следует понимать возможность настоящего получать стимул от будущего.

Второй аспект взаимодействия образа будущего и самого будущего заключается в репрезентации будущего его образом. Это не следует, однако, понимать так, что в образах будущего содержится описание самого будущего. Полак видит тут более опосредованную зависимость. Состояние образа будущего может указывать на проблемы, возможные в будущем у данного общества. Нездоровый, негативный образ будущего является показателем болезненности культуры и свидетельствует о ее скором закате. *«Любой*

изучающий взлеты и падения культуры, – пишет Полак, – не может не заметить роль, которую играют образы будущего в этой исторической преемственности. Взлеты и падения образов будущего предшествуют или сопровождают взлеты и падения культуры. Пока образ будущего процветает в обществе и является положительным, цветок культуры находится в полном расцвете. После того как образ начинает разрушаться и теряет свою жизнеспособность, недолго живет и культура» [14, р.19]. В то же время Полак не настаивает на обратном соотношении. Полный силы, оптимистичный образ будущего еще не служит залогом процветания данной культуры. Анализируя один из первых, универсальных для Европы образов будущего, греческий образ, Полак констатирует, что его наивысший расцвет приходится на упадок греческой полисной культуры. *«Развязка драмы греческой культуры является героической трагедией типично греческого стиля, – пишет Полак. – Внезапно нить жизни Эллады оборвалась, и не потому, что греческий образ будущего стал разлагаться, но, напротив, из-за его безудержного цветения. Греция пошла под откос в силу фатальной слабости, присущей ее лучшим качествам, по мере того как свободная личность выродилась в необузданный индивидуализм» [14, р.33].*

Есть еще и третья сторона взаимоотношения образов будущего с самим будущим. Это влияние образов будущего как проектов желаемого завтра на построение этого завтра. Полак считает, что человек становится участником процесса создания будущего именно тогда, когда начинает сознательно создавать образы будущего [14, р.6]. Образ будущего является фактором изменения действительности, он та произвольная переменная, которая, отталкиваясь от существующей реальности, задает вектор строительства принципиально иного мира. *«Формирование образа будущего, – пишет Полак, – зависит от осознания будущего как дающего возможность сознательно, добровольно и ответственно выбирать между альтернативами» [14, р.13].* Но при этом не следует забывать, что будущее никогда не бывает именно

таким, каким нам хотелось бы. Образ будущего – это своеобразный мираж, порожденный нашим воображением. Он реален, когда манит к себе, побуждает к движению, и не реален как цель осуществления. Погоня за миражем чревата непредсказуемостью, и потому, по Полаку, *«образы будущего могут быть рассмотрены как бомбы замедленного действия, которые рванут где-то в будущем, причем создатели этих образов не контролируют то, когда, где и насколько мощным будет их взрыв. Этот взрыв освободит массу энергии и заряженные частицы заполнят собой щели между прошлым и будущим»* [14, p.10-11].

Непредсказуемость результата влияния образа будущего на само будущее является главной чертой их взаимоотношений. *«Актуальным здесь является понятие субъективного уравнения. Наблюдатель влияет на то, что он наблюдает. Формулировка и описание образов будущего может повлиять на само будущее, и социолог может переписать историю будущего»* [14, p.22-23]. Однако это переписывание вслепую, без надежды предугадать последствия своего вмешательства.

Полак не был первым, кто ввел в исторический, культурологический и обществоведческий дискурс понятие «образ будущего». Например, в восьмой главе своей книги он ссылается на тематически близкое исследование своего соотечественника В.Я. Алдерса (Aalders W.J.) «Образы будущего пяти столетий» (Toekomstbeelden van vijf eeuwen) [12]. Возможно, что у него были и более ранние предшественники. По всей видимости, образ будущего можно отнести к тем феноменам, существование которых фиксируется немногими исследователями, но мало кем из них рефлексивируется. Полак был одним из тех немногих авторов, кто поместил образ будущего в центр своего исследования. И хотя мы не находим у него четкой дефиниции этого понятия, идеи Полака позволяют пролить свет на многие стороны этого феномена. Само понятие «образ будущего» нацеливает потенциального исследователя на работу с интуитивными, эмоциональными, а не только рефлексивными

представлениями. Образ будущего видится Полаку как продукт свободной фантазии и иррационального желания приоткрыть завесу неведомого. Полак полагает, что в любой культуре на конкретный момент времени функционирует какой-то один ведущий образ будущего, и его состояния свидетельствует о степени жизнеспособности общества. Возникновение образов будущего ученый связывает с существующей в обществе системой ценностей, отношением к свободе и оптимистическим или пессимистическим психологическим настроением общества. Взаимовлияние образа будущего и реального будущего Полак оценивает как непредсказуемые. С одной стороны, образ будущего задает вектор будущему развитию общества, с другой – результат никогда не бывает прямым воплощением желаемого. Полак оценивает образ будущего «как объект исследования и одновременно как постановку проблемы», поскольку введение его в «социальные науки в качестве понятийного аппарата, добавит им диагностической силы» [14, p.22]. К сожалению, вопрос природы образа будущего не попадает в сферу внимания Полака и все еще ждет своего исследователя.

Список литературы

1. Бощенко И. «Образ Будущего». История – «Бесконечная книга». Наш ответ Фукуяме. URL: <http://neuroquad.ru/book/iof/> (дата обращения: 7.03.13).
2. Быкова Е. Б. Образ будущего в картине мира и Я-концепции личности: Автореф. дисс. к. псих. н. СПб., 2002. 18 с.
3. Желтикова И. В. Место социальных ожиданий в образе будущего // Современные исследования социальных проблем. 2010. №4 (04). С. 235-246.
4. Желтикова И. В. Образ будущего – варианты возможного [Электронный ресурс] // Руниверс. Логосфера: сайт. URL: <http://runivers.ru/philosophy/logosphere/398781/> (дата обращения: 7.03.13).
5. Желтикова И. В. Перспективы России сквозь призму образов будущего рубежа XIX-XX веков // Ученые записки Орловского

государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 5. С. 85-93.

6. Кара-Мурза С. Г., Патоков В. В. Россия: точка 2010, образ будущего и путь к нему. М.: «Общественный диалог», 2010. 116 с.

7. Мир нашего завтра: Антология современной классической прогностики. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 220-233.

8. Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века: Избранные произведения. М.: Республика, 1994. 416 с.

9. Образ человека будущего: Кого и Как воспитывать в подрастающих поколениях: коллективная монография / Под ред. О. А. Базалука. К.: Кондор, 2011. Т.1. 328 с.

10. Хазин М. Л. России остро необходим свой «образ будущего» [Электронный ресурс] // Мультипортал КМ. URL: <http://www.km.ru/node/624481/comments> (дата обращения: 7.03.13).

11. Шестак Р. Н. Образ мечты как модели будущего и смысложизненные ориентации личности [Электронный ресурс] // Психологи на b17.ru: сайт. URL: <http://www.b17.ru/article/2146/> (дата обращения: 7.03.13).

12. Aalders W.J. Toekomstbeelden van vijf eeuwen. Groningen: J. B. Wolters, 1939. 234 p.

13. Boulding K.E. The Image: knowledge in life and society. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1956. 175 p.

14. Polak F. The Image of the Future. Elsevier Scientific Publishing Company Amsterdam, London, New York. 1973. 320 p.

15. Polak F.L. De toekomst is verleden tijd. cultuur-futuristische verkenningen. Deel I. Het beloofde land. oerbron van opbloeiende beschaving. 335 blz. Deel II. De toekomstbeeldenstorm. verblinde afbraak der cultuur. 336 blz. W.J. de Haan, Utrecht, 1955.

References

1. Boshhenko I. <http://neuroquad.ru/book/iof/> (accessed March 7, 2013).
2. Bykova E.B. *Obraz budushhego v kartine mira i Ja-koncepcii lichnosti* [The image of the future in view of the world and the self-concept of personality]. SPb., 2002. 18 p.
3. Zheltikova I.V. *Sovremennye issledovanija socialnyh problem*, no. 4 (2010): 235-246.
4. Zheltikova I.V. *Obraz budushhego – varianty vozmozhnogo* [Runivers. Logosfera]. <http://runivers.ru/philosophy/logosphere/398781/> (accessed March 7, 2013)
5. Zheltikova I. V. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences], no. 5 (2021): 85-93.
6. Kara-Murza S. G., Patokov V. V. *Rossija: tochka 2010, obraz budushhego i put' k nemu* [Russia: the point in 2010, the image of the future and the way to it]. Moscow, 2010. 116 p.
7. *Mir nashego zavtra: Antologija sovremennoj klassicheskoj prognostiki*. [The world is our tomorrow: An Anthology of modern classical prognostics]. Moscow, 2003. pp. 220-233.
8. *Obraz budushhego v russkoj social'no-jekonomicheskoj mysli konca XIX – nachala XX veka: Izbrannye proizvedenija*. [The image of the future in the Russian socio-economic thought of the XIX - XX century: Selected Works]. Moscow, 1994. 416 p.
9. *Obraz cheloveka budushhego: Kogo i Kak vospityvat' v podrastajushhih pokolenijah: kollektivnaja monografija* [The image of the man of the future]. Kiev, 2011. V.1. 328 p.
10. Hazin M.L. <http://www.km.ru/node/624481/comments> (accessed March 7, 2013).
11. Shestak R. N. <http://www.b17.ru/article/2146/> (accessed March 7, 2013).

12. Aalders W.J. Toekomstbeelden van vijf eeuwen. Groningen: J. B. Wolters, 1939. 234 p.

13. Boulding K.E. The Image: knowledge in life and society. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1956. 175 p.

14. Polak F. The Image of the Future. Elsevier Scientific Publishing Company Amsterdam, London, New York. 1973. 320 p.

15. Polak F.L. De toekomst is verleden tijd. cultuur-futuristische verkenningen. Deel I. Het beloofde land. oerbron van opbloeiende beschaving. 335 blz. Deel II. De toekomstbeeldenstorm. verblinde afbraak der cultuur. 336 blz. W.J. de Haan, Utrecht, 1955.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Желтикова Инга Владиславовна, доцент кафедры философии и культурологии, к. филос. н., доцент

Орловский государственный университет

ул. Комсомольская, д. 95, г. Орел, 302026, Россия

e-mail: in_g@orel.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zheltikova Inga Vladislavovna, Associate Professor of Philosophy and culturology, PhD, Associate Professor

Orel State University

95, Komsomolskaya Str., Orel, 302026, Russia

e-mail: in_g@orel.ru

Рецензент:

Пахарь Л.И., д.филос.н., профессор